

A. B. ГУСЕВ

«ПРОЛЕТАРСКИЙ ЯКОБИНИЗМ»
И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ
БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

V. GUSEV

«PROLETARIAN JACOBINISM»
AND DOCTRINAL ORIGINS
OF THE BOLSHEVIK DICTATORSHIP

Аннотация. В статье рассматриваются идейные предпосылки формирования большевистской концепции диктатуры пролетариата как авторитарной власти революционной партии, выражающей интересы рабочего класса. Выявляются отличия этой концепции от взглядов основоположников марксизма и ее корни в якобинско-бланкистской традиции международного социалистического движения. Прослеживается влияние идеи «воспитательной диктатуры» на воззрения идеологов российского революционного движения и социал-демократии. Анализируется генезис «пролетарского якобинизма» во взглядах В. И. Ленина и большевиков. Показана значимость исторических аналогий с Великой французской революцией для большевистского мировоззрения. Автор приходит к выводу, что заимствование большевиками методов из арсенала якобинцев способствовало воспроизводству в России в новых исторических условиях основных фаз эволюции французского революционного режима – от якобинской диктатуры через термидор к бонапартизму.

Ключевые слова: марксизм, большевизм, социалистическое движение, социал-демократия, диктатура пролетариата, воспитательная диктатура, авторитаризм, якобинизм, термидор, бонапартизм.

Abstract. The article deals with ideological origins of the Bolshevik conception of the dictatorship of the proletariat as the authoritarian reign of the revolutionary party, expressing working class interests. This conception differed from the views of founders of Marxism and had its roots in the Jacobin-Blanquist tradition of the international Socialist movement. The author traces influence of the «educational dictatorship» idea on the views of the ideologues of the Russian revolutionary movement and Social Democracy. Genesis of «Proletarian Jacobinism» in views

of V. I. Lenin and Bolsheviks is analyzed. The article demonstrates significance of historical analogies with the Great French revolution for the Bolshevik worldview. The author comes to the conclusion that by borrowing methods from the Jacobin arsenal Bolsheviks helped to reproduce in Russia, under new historical conditions, main phases of the French revolutionary regime's evolution – from the Jacobin Dictatorship through Thermidor to Bonapartism.

Keywords: Marxism, Bolshevism, Social Democracy, Socialist movement, dictatorship of the proletariat, educational dictatorship, authoritarianism, Jacobinism, Thermidor, Bonapartism.

Один из парадоксов Великой российской революции 1917–1922 гг. состоит в том, что жесткий режим однопартийной большевистской диктатуры, утвердившийся в итоге революционных событий, был создан политической силой, которая вышла из радикально-демократического движения и еще незадолго до прихода к власти решительно выдвигала демократические лозунги. История революции ставит перед исследователями вопрос: как и почему произошла трансформация российского большевизма из социал-демократического течения в авторитарно-коммунистическое?

Действительно, в политическом спектре дореволюционной России социалисты, в том числе социал-демократы, включая большевиков, составляли крайний демократический, антиавторитарный полюс. Гораздо последовательнее либералов они боролись против самодержавия, за политическую свободу, демократическую республику со всеобщим избирательным правом, полное гражданское равенство, упразднение постоянной армии и демонтаж имперской государственности¹.

Однако уже вскоре после прихода к власти в октябре 1917 г. большевики начинают проводить совсем другой курс – политику монополизации власти в своих руках, подавления всякой оппозиции и ликвидации демократических институтов, объявленных «буржуазными». Эта политика находит теоретическое обоснование в разработке ленинской концепции «пролетарского государства», согласно которой господство рабочего класса может осуществляться лишь посредством абсолютной власти Коммунистической партии – «того авангарда, который вобрал в себя энергию класса»². Таким образом, оформляется доктрина диктатуры революционной элиты, группы правителей, воплощающих в себе «волю пролетариата».

Для понимания происхождения этой доктрины и соответствующей политики необходимо, конечно, учитывать обстоятельства, с

которыми столкнулись большевики, придя к власти: острейшую политическую борьбу, Гражданскую войну и внешнюю интервенцию, тяжелейшее экономическое положение и т. п. Но очевидно и другое: концепция монопольного правления «революционного авангарда» возникла не на пустом месте, она имела предпосылки идеологического характера, подготовившие и облегчившие ее утверждение.

Сами большевики настаивали на том, что идеологической основой их политики является «ортодоксальный марксизм», сердцевину которого составляет учение К. Маркса и Ф. Энгельса о диктатуре пролетариата, проводимое ими в жизнь. Однако обращение к первоисточникам – работам основоположников марксизма и документам создававшегося при их участии международного социалистического движения – показывает, что понимание диктатуры пролетариата К. Марксом и Ф. Энгельсом принципиально отличалось от ее трактовки В. И. Лениным и большевиками. Этому вопросу посвящено, в частности, фундаментальное исследование американского марксолога Х. Дрейпера – третий том его четырехтомной монографии «Теория революции Карла Маркса»³. Х. Дрейпер выявил во всей совокупности работ К. Маркса и Ф. Энгельса 12 случаев употребления термина «диктатура пролетариата» с 1850 по 1891 г. и, проанализировав их, пришел к однозначному выводу: этим термином авторы обозначали просто *власть* пролетариата, а не какой-то особый тип политического устройства, отрицающий демократические институты⁴. Политической формой диктатуры пролетариата они считали демократическую республику и видели ее конкретный пример в Парижской коммуне 1871 г., которая базировалась на свободных выборах, носила плюралистический, многопартийный характер и не сужала, а стремилась расширить гражданские права и свободы. Само же понятие *диктатуры класса* полемически противопоставлялось концепции *диктатуры революционеров*, которую выдвигало другое течение в социалистическом движении, связанное с именем Огюста Бланки. Это течение, у истоков которого стояли французские революционеры конца XVIII – начала XIX в. Гракх Бабёф и Филипп Буонарроти, исходило из соединения якобинского принципа революционной диктатуры с коммунизмом (Ф. Буонарроти в своей работе «Заговор во имя равенства» прямо выводил коммунизм из якобинизма). Социалистическая революция мыслилась ими как захват власти революционной организацией, устанавливающей «воспитательную диктатуру», задача которой – просвещение

масс в социалистическом духе и осуществление социалистических преобразований сверху, силой государственных институтов. Эта идея была затем подхвачена и развита О. Бланки и его последователями – «неоякобинцами», с которыми полемизировали К. Маркс и Ф. Энгельс, противопоставляя концепции освобождения трудящихся масс сверху революционной элитой их самоосвобождение снизу своими собственными силами⁵. Отражением марксовской концепции стал знаменитый девиз I Интернационала: «Освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом»⁶.

Хотя международное социалистическое движение эпохи II Интернационала отвергло бланкизм в пользу марксизма, признав демократические принципы и приняв название *социал-демократии*, оно все же продолжало испытывать некоторое влияние «пролетарского якобинизма». Время от времени те или иные социалисты возвращались к идее использования авторитарных политических институтов для движения к социализму. Так, в Германии Ф. Лассаль допускал возникновение «социальной и революционной народной монархии»⁷, во Франции П. Лафарг писал о необходимости временной диктатуры революционеров и ограничении ими всеобщего избирательного права⁸ и т. д. Но в целом европейская социал-демократия определенно отвергала идею политической диктатуры. Сам термин «диктатура пролетариата», требующий специальных разъяснений, она использовала в своей теоретической литературе, но не включила ни в один из программных документов – ни в партийные программы, ни в декларации Интернационала.

Якобинско-бланкистские идеи нашли своих сторонников и в российском революционном социалистическом движении. Правда, русский «якобинизм» П. Г. Заичневского, С. Г. Нечаева и П. Н. Ткачева оставался маргинальным течением в народничестве 60–70-х гг. XIX века, но то, что можно назвать элементами «якобинской ментальности», получило более широкое распространение. Ее проявления обнаруживаются и у Н. Г. Чернышевского, который во имя радикальных общественно-экономических преобразований готов был «жертвовать и свободой слова, и конституционными формами»⁹, и у А. И. Герцена, признававшего, подобно Ф. Лассалю, возможность торжества в России «социальной республики в Мономаховой шапке»¹⁰. Не минули такого рода настроения и российскую социал-демократию. Здесь интересен пример «отца русского марксизма» одного из зачинателей социал-демократического движения в нашей стране Г. В. Плеханова. Именно он

в 80–90-е гг. XIX в. внес основной вклад в разработку социал-демократической программы для России, первоочередной задачей в которой являлось осуществление демократической революции и утверждение в стране политической свободы. Однако в воспоминаниях члена плехановской группы А. М. Водена сохранилось свидетельство о другом аспекте его взглядов. А. М. Воден пишет, что Г. В. Плеханов неоднократно высказывал мнение о том, что будущая диктатура пролетариата будет означать монополизацию власти марксистской партией и ликвидацию свободы для ее оппонентов: управлять должны только те, кто «правильно понимает идеи Маркса». Когда в 1893 г. приехавший в Лондон А. М. Воден рассказал об этом Ф. Энгельсу, тот был возмущен и заявил, что если российская социал-демократия будет придерживаться подобных воззрений, то выродится в секту, а претензии на монополизм расколют революционное движение¹¹.

Тем не менее на II съезде РСДРП в 1903 г., спустя десять лет после этого эпизода, Г. В. Плеханов вновь продемонстрировал «пролетарский якобинизм», утверждая при обсуждении программного пункта о диктатуре пролетариата, что демократические принципы, включая свободные выборы и неприкосновенность личности, имеют для социалистов лишь относительную ценность и должны быть подчинены «интересам нашей партии», которая единственная воплощает в себе благо революции (в протоколе заседания съезда в связи с этим зафиксированы возмущенные восклицания некоторых делегатов)¹². Но эта полемика не нашла отражения в решениях съезда: делегаты, избравшие Г. В. Плеханова председателем Совета РСДРП, приняли радикально демократическую программу, и хотя в нее впервые в истории социалистического движения вошло словосочетание «диктатура пролетариата»¹³, это понятие не отождествлялось с авторитарным политическим режимом. Что касается самого Г. В. Плеханова, то в переписке с П. Б. Аксельродом он признавал за собой «якобинский грешок»¹⁴, который, однако, не отразился в его работах и публичных выступлениях. И как теоретик, и как практический политик Г. В. Плеханов все же умел сдерживать проявления ментальности «пролетарского якобинизма». Марксизм у Г. В. Плеханова в итоге возобладал над бланкизмом, но его пример сам по себе показателен как иллюстрация амбивалентного отношения российских революционных социалистов к вопросам политической демократии.

Человеком, который первым открыто уподобил российских социал-демократов якобинцам, был лидер большевиков В. И. Ленин. Хорошо известно определение, которое он в своей работе 1904 г. «Шаг вперед, два шага назад» дал революционному социал-демократу: это «якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, со знавшего свои классовые интересы»¹⁵. По словам В. И. Ленина, большевики являлись не кем иным, как «якобинцами социал-демократии»¹⁶. Это было сказано в полемике с меньшевиками в РСДРП, которых В. И. Ленин называл «жирондистами», пропитанными буржуазно-интеллигентским оппортунизмом, боящимися централизма и «вздыхающими об абсолютной ценности демократических требований»¹⁷. Спор в партии в то время шел главным образом об организационных вопросах, проблемах партийного строительства, и ленинский «якобинизм» воспринимался именно в этом контексте – как стремление к созданию жестко централизованной авангардной партии «профессиональных революционеров». Но в действительности В. И. Ленин имел в виду нечто большее. Н. В. Валентинов, близкий к В. И. Ленину в первые годы XX в. член большевистского «ядра», вспоминал впоследствии, что лидер большевиков в разговоре с ним следующим образом разъяснял свое понимание «якобинизма» как необходимой характеристики революционного движения: «Это борьба за цель, не боящаяся решительных, плебейских мер, борьба не в белых перчатках, борьба без нежностей, не боящаяся прибегать к гильотине»¹⁸. И, по-видимому, В. И. Ленин имел в виду пример не только классических французских якобинцев, но и представителей «русского якобинства» второй половины XIX в. Об этом, в частности, говорит его интерес к деятельности и наследию Сергея Нечаева, вождя организации «Народная расправа», которого В. И. Ленин, согласно воспоминаниям его соратника В. Д. Бонч-Бруевича, считал незаслуженно преданным забвению «титаном революции», подчеркивая значение поиска и издания всех его работ¹⁹.

Важное свидетельство «пролетарского якобинизма» в идейных представлениях В. И. Ленина содержат подготовительные материалы II съезда РСДРП. Так, в замечаниях на второй проект партийной программы, составленный Г. В. Плехановым, В. И. Ленин уже в 1902 г. показывает, что диктатура пролетариата, в его понимании, – это не власть пролетарского большинства народа, реализуемая демократическим путем, а господство меньшинства, принципиально отличное от демократии. Он пишет, что если бы во время будущей социалисти-

ческой революции мы имели поддержку подавляющего большинства населения, то диктатура нам бы не понадобилась – диктатура нужна именно потому, что меньшинство рабочих призвано установить свою власть над большинством народа²⁰. Здесь перед нами, таким образом, скорее концепция О. Бланки, чем К. Маркса и Ф. Энгельса.

Такие идеи вызревали не только у В. И. Ленина, но и у ряда других большевиков. Их отражением стало, в частности, письмо в газету «Искра», направленное в 1904 г. представителями Уфимского и двух других уральских большевистских комитетов РСДРП. В нем говорилось о необходимости подготовки российского пролетариата к социалистической диктатуре посредством выработки навыков «беспрекословного повиновения» властному руководству и о том, что в ходе социалистической революции должен быть создан политический режим, отличающийся от Парижской коммуны монолитностью правительства, так как Коммуна пала в том числе из-за наличия в ней разных политических течений²¹.

Эта идея, как и рассуждения В. И. Ленина, вызвала тогда резкую критику со стороны меньшевиков. Но дискуссии среди социал-демократов о сущности диктатуры пролетариата носили в период до 1917 г. преимущественно академический характер, поскольку социалистическая революция мыслилась всеми социал-демократическими течениями – и меньшевиками, и большевиками – как дело отдаленного будущего. Все были согласны с тем, что переход к социализму в России с ее отсталой социально-экономической структурой и абсолютным преобладанием крестьянского населения не стоит на повестке дня. Практический характер, следовательно, носила только программа-минимум РСДРП, то есть борьба за буржуазно-демократическую революцию и установление демократической республики. Поэтому представления о сущности и формах диктатуры пролетариата прямо не влияли на тактику социал-демократического движения.

Ситуация коренным образом изменилась, когда после падения царизма в феврале 1917 г. большевики по инициативе В. И. Ленина выдвинули в качестве непосредственной перспективы осуществление социалистической революции и установление диктатуры пролетариата, то есть реализацию партийной программы-максимум. Это сразу актуализировало вопросы, которые имели ранее лишь теоретическое значение.

В России власть немногочисленного пролетариата, составлявшего 5–6% населения страны²², даже в союзе с беднейшим слоем крестьян-

ства могла означать только правление меньшинства. Реальный уровень поддержки большевиков в стране показали выборы во Всероссийское учредительное собрание в конце 1917 г., на которых РСДРП(б) получила лишь около ¼ голосов избирателей²³. Однако ленинскую партию это не останавливало. В случае невозможности осуществления власти при помощи убеждения она готова была прибегнуть к принуждению, то есть к диктатуре в том самом якобинском понимании, которое, как мы видели, присутствовало у В. И. Ленина задолго до прихода к власти. И именно это произошло на практике в условиях быстрого сужения той социальной опоры, которую имели большевики в октябре 1917 г. Когда конфликт новой власти с крестьянством привел к восстаниям в деревне, городские рабочие начали отворачиваться от большевиков, отказывая им в поддержке на выборах в Советы, а вооруженное антибольшевистское движение обрело массовый характер, власть стала использовать методы из классического арсенала якобинской диктатуры, включая террор.

При этом аналогии с якобинцами Великой французской революции постоянно присутствовали в практике и риторике большевиков. Это нашло самые разные проявления, начиная с введения в оборот, в том числе в официальных государственных документах, термина «враги народа», заимствованного из так называемого Прериальского закона 1794 г.²⁴, и вплоть до обсуждения создания «Революционного конвента» из леворадикальных фракций Учредительного собрания²⁵. Один из ведущих исследователей французской революции А. Матьез, который сам некоторое время состоял во Французской коммунистической партии, имел основания писать в 1920 г., что большевики «намеренно и сознательно копируют французских революционеров. Они проникнуты тем же духом...»²⁶. «Ленин... впитал в себя историю нашей великой революции, он вдохновляется ее примерами и воплощает их на практике, приспособлявая к своей стране и обстоятельствам», – отмечал французский историк²⁷.

Однако опыт Французской революции включал не только якобинскую диктатуру, но и последовавший за ней термидор – падение якобинского правительства и гибель его вождей, отказ от углубления социально-экономических преобразований и поворот к более умеренной политике. Это, конечно, было хорошо известно В. И. Ленину и другим большевистским лидерам. Повторять печальную судьбу французских

якобинцев они не хотели и, как говорил В. И. Ленин в 1921 г. французскому коммунисту Ж. Садулю, сумели «сами себя термидоризировать»²⁸, отказавшись после Гражданской войны от крайностей революционного диктаторства и перейдя к НЭПу. Такой «самотермидор» позволил стабилизировать режим власти большевиков, но аналогия с Французской революцией на этом не кончилась. Вслед за термидором во Франции пришел бонапартизм, утверждение единоличной диктатуры, частично восстановившей старые порядки. И в 1930-е гг. один из главных организаторов Октябрьской революции Л. Д. Троцкий, уже находясь в вынужденной эмиграции, констатировал вступление Советского Союза в аналогичную бонапартистскую фазу в виде сталинского единовластия²⁹. В то время как Л. Д. Троцкий объяснял такое развитие событий преимущественно объективными причинами, связанными с изоляцией революционного режима в экономически отсталой стране, другие авторы указывали на внутреннюю логику созданной большевиками авторитарной системы. Так, по словам одного из лидеров российских социал-демократов Р. А. Абрамовича, превращение олигархического правления «старой большевистской гвардии» в режим личной власти продемонстрировало действие «естественного закона», согласно которому диктатура меньшинства развивается по все более сужающейся спирали³⁰.

Таким образом, большевистская аналогия с якобинцами оказалась тем, что называется «самоисполняющимся пророчеством»: политика «пролетарского якобинизма» привела к своеобразному повторению динамики того исторического процесса, из которого она была заимствована.

Примечания

1 Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на II съезде партии // Второй съезд РСДРП. Июль – август 1903 года. Протоколы. М., 1959. С. 418–424.

2 Ленин В. И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого // Полное собрание сочинений [далее – ПСС]. Т. 42. М., 1970. С. 204.

3 Draper H. Karl Marx' theory of revolution. Volume III. The "dictatorship of the proletariat". N.Y., 1986. P.

4 Ibid. P. 1, 385–386 et al.

5 Ibid. P. 211–213.

6 Маркс К. Общий устав и организационный регламент Международного товарищества рабочих // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 17. М., 1960. С. 445.

7 Цит. по: Mayer G. Bismarck und Lassalle. Ihr Briefwechsel und ihre Gespräche. Berlin, 1928. P. 60.

8 Лафарг П. На следующий день после революции // Сочинения. Т. 1. М., Л., 1925. С. 329–330.

9 Чернышевский Н. Г. Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X // Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1950. С. 216.

10 Герцен А. И. Журналисты и террористы // Собрание сочинений. Т. 16. М., 1959. С. 224–225.

11 Воден А. На заре «легалного марксизма» // Летописи марксизма. Книга IV. 1927. С. 95.

12 Второй съезд РСДРП. С. 182

13 Там же. С. 420.

14 Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 44.

15 Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад // ПСС. Т.8. С. 370.

16 Там же; Он же. Две тактики социал-демократии в демократической революции // ПСС. Т. 11. С. 47.

17 Там же. Т. 8. С. 370.

18 Валентинов Н. Встречи с Лениным. Н. У., 1981. С. 185–186.

19 Бонч-Бруевич В. Д. Ленин о художественной литературе // 30 дней. 1934. № 1. С. 18.

20 Ленин В. И. Замечания на второй проект программы Плеханова // ПСС. Т. 6. С. 229.

21 Искра. № 63. 1904. 1 апреля. Приложение.

22 Воейков М. И. Великая российская революция: экономическое измерение. М., 2017. С. 24.

23 Всероссийское учредительное собрание. М., Л., 1930. С. IV.

24 Декрет Конвента, реорганизующий Революционный трибунал. 10 июня 1794 г. (22 прериаля II г.) // Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792–1794). Сборник документов и материалов. М., 1927. С. 107.

25 Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1918 гг. (хроника событий). М., 1974. С. 97; Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 272.

26 Mathiez A. Le Bolchevisme et le Jacobinisme. Paris, 1920. P. 22.

27 Ibid. P.3.

28 Политики и писатели Запада о В. И. Ленине. Жак Садуль // Известия. 1924. 1 февраля.

29 Троцкий Л. Д. Рабочее государство, термидор и бонапартизм; Еще к вопросу о бонапартизме // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 43. С. 2–15.

30 Абрамович Р. Тоталитарная спираль // Социалистический вестник. 1951. № 5 (644). С. 108; Он же. Конец ВКП(б) // Там же. № 8 (646). С. 157.